

лений, рождающихся на стыке собственно фольклористики с лингвистическим структуриализмом, семиотикой, так называемой порождающей грамматикой, паралингвистикой, теорией речевого поведения и коммуникации, парапсихологией, теорией малых социальных групп и т. д. Привлечется ли этот термин и выплывет ли из столь разнородного конгломерата нечто целое, способное в единой концепции охватить новые проблемы — покажет будущее. Пока мы можем говорить только об активности поиска, остроте проблем, стремлении к демократическому пониманию социальных задач науки, их историческому истолкованию и, вместе с тем, о продолжающемся осмыслении роли фольклора и фольклористики в современных условиях. Характерно, что современное развитие столь разных аспектов фольклористики, как теория жанров, трансмиссия фольклора, взаимодействие исполнителя и традиции, выявление структурных закономерностей фольклорных текстов и т. п., как было показано выше, в равной степени ведет представителей разных направлений к социальным и социально-психологическим проблемам, к «очеловеченному», если можно так выразиться, пониманию фольклорного текста как коммуникативного акта в определенной социальной среде. Этому же способствует и изучение современного фольклора и близких к фольклору форм речевой коммуникации, схожих по своему составу и происхождению; эта сфера объединена основным функциональным признаком — устным бытованием.

Нельзя не отметить возрастающий интерес к советской фольклористике. Делегации Советского Союза приходилось отвечать на множество вопросов и рассказывать о работах В. Я. Проппа, В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Г. Д. Пермякова, об экспедиционной деятельности наших фольклористов, о состоянии фольклорных архивов и т. д.

Примечательной чертой конгресса была значительная активность североамериканских (43 участника) и западногерманских (25 участников) фольклористов.

19 и 21 июня делегаты конгресса участвовали в двух симпозиумах — по проблемам изучения пословиц и поговорок и о перспективах создания нового международного указателя мотивов («Motif-Index»).

Как обычно, в дни конгресса было организовано общее собрание членов Общества. После доклада президента К. Ранке состоялись выборы президиума. В связи с просьбой К. Ранке освободить его от обязанности президента, которую он исполнял с 1959 г., он был избран почетным президентом Общества. Новым президентом стал проф. Л. Хонко — директор Северного института фольклора при Университете в Турку. Вице-президентами были избраны: от Африки — А. Балабола, от Южной Америки — С. Чертурди, от Европы — К. В. Чистов, от Северной Америки — А. Дандис, от Австралии и Океании — К. Луомала, от Азии — Т. Озава. Следующий конгресс намечено провести в Эдинбурге (Шотландия) в 1979 г. Прием новых членов поручен комиссии под председательством К. Луомала (Гавайи, США). К 1974 г. в Обществе состояло 252 члена.

18 июня 1974 г. участники конгресса побывали в г. Турку, где познакомились с деятельностью названного выше фольклорного института. Особенный интерес слушателей вызвало сообщение А. Каллио о современных советско-финляндских исследованиях обрядовых причитаний финно-угорских народов.

21 июня делегаты конгресса посетили Сеурасаари (финский этнографический музей на открытом воздухе), где наблюдали празднество Ивановой ночи.

К. В. Чистов

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1 по 31 июля 1974 года в Белорусском Полесье работала этнолингвистическая экспедиция, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и филологическим факультетом МГУ. В состав экспедиции входили также сотрудники Института языкознания АН БССР, Житомирского и Мозырского пединститутов. Руководил экспедицией Н. И. Толстой.

Настоящая экспедиция явилась продолжением полевых работ, проводившихся в 1962—1965 гг. Исследования предпола-

гали тесное сближение лингвистической и этнографической проблематики. На первом этапе был составлен ряд словарей, отражающих терминологию материальной культуры полешуков: земледелия, строительства, ткачества, пчеловодства и т. д.¹ Новая серия исследований, начатых в этом году, намечает изучение духовной культуры Белорусского Полесья (терминология и

¹ См.: сборники «Полесье» и «Лексика Полесья», М., 1968, «Лексика Полесья ў прасторы і часе», Мінск, 1971.

структура народных обрядов, фольклор и т. д.).

Экспедиция носила предварительный характер. Перед ее участниками стояла задача, во-первых, проверить сохранность обычаев, фольклорного репертуара и т. п. и, во-вторых, уточнить и дополнить программы, разработанные заранее, а также составить новые. Были обследованы 2 пункта — в Западном Полесье (дер. Спорово Березовского р-на Брестской обл.) и в Восточном Полесье (дер. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.). Материал собирался по следующим темам: родинный, свадебный, похоронный обряды, жатвенная обрядность, обычаи, связанные с народным календарем, закладкой и постройкой дома, содержанием домашнего скота и птицы, народные названия растений, народная медицина и народная ветеринария, рыболовство, микротопонимия. В записях отразились ответы на вопросы по некоторым программам, касающиеся народного календаря, «нечистой силы», явлений природы, исторические рассказы. Фольклористу Ю. И. Смирнову, принимавшему участие в работе экспедиции, удалось зафиксировать свыше 40. эпических сюжетов, носящих общеславянский характер. В дер. Стодоличи записан полный цикл свадебных песен, часть материалов записана на магнитофонную ленту.

Во время экспедиции работал семинар (руководитель Н. И. Толстой), на котором обсуждался собранный полевой материал, а также читались доклады, связанные с вопросами этнолингвистической тематики. Так, участники экспедиции прослушали доклады Ф. Д. Климчука об истории Полесья, О. А. Седаковой о восточнославянском погребальном обряде, С. И. и С. М. Толстых об оппозиции «правый — левый» в славянских языках и народных поверьях, Ю. И. Смирнова о славянском Змее, В. В. Шура о животноводческой лексике Мозырского Полесья и некоторые другие.

Материалы обработаны и хранятся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Д. А. Бейлина

* * *

С 11 августа по 11 октября 1974 года автор этой заметки по плану работ сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР (Ленин-

градское отделение) совершил индивидуальную поездку на север Таджикистана. Цель поездки — сбор материала по традиционным способам перевозки (переноски) на гумно снопов, их обмолота, хранения зерновых, а также данных по сельскохозяйственным орудиям для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» (разделы «Земледелие» и «Животноводство»). Эта поездка явилась продолжением работы по изучению указанных тем, которая велась в 1972—1973 гг. в Гиссарской и Зеравшанской долинах Таджикистана.

Первым пунктом моего пребывания стал Исфаринский район (кишлаки Чилгази, Чорку и Ворух), затем я выехал в соседний Канибадамский район (кишлаки Рават и Кучкак), а оттуда — в Аштский район (кишлаки Пангаз, Ашт и Булак). Дальнейший мой маршрут прошел через Ходжентский (кишлаки Кулангир и Самгар), Науский (кишлаки Куштегирман и Андарсай), Ганчинский (кишлаки Калача. Раис и Басманда) и Уратюбинский (кишлак Шихристан) районы.

Опрос старожилы проводился по специально разработанным программам и вопросам. Материалы по способам перевозки, обмолота и хранения урожая собирались по вопросам, составленным Н. А. Кисляковым, а по сельскохозяйственным орудиям — по программе, составленной Б. З. Гамбургом (ГМЭ).

При сборе полевого материала большое внимание было уделено выявлению существовавших в прошлом хозяйственных традиций местного населения. Я стремился выяснить, как готовился ток для молотбы; устраивали ли его ежегодно или использовали постоянно из года в год один и тот же ток; какие существовали традиционные способы обмолота и т. д. Изучение способов перевозки снопов на гумно показало, что сани-волокуши (*чигина*), широко употреблявшиеся для этой цели в прошлом в нижнем течении Зеравшана, Гиссарской долины и других районах Таджикистана, на севере республики почти повсеместно отсутствовали. Здесь их заменяла арба.

Знакомство с сельскохозяйственными орудиями таджиков этого района показало, что им тоже присущи некоторые особенности. Так, например, местное орудие пахоты (*омач*), по форме аналогичное пахотным орудиям Зеравшанской и Гиссарской долин, имело свои особенности в

способах крепления дышла и основы. При изучении борон также обращалось внимание на различные их варианты, зависившие от преобладания той или иной культуры или рельефа местности, а также на способы крепления основы бороны с дышлом.

Изучаемые сельскохозяйственные орудия обмерялись, с них сделаны рисунки. Во время экспедиции было снято 5 черно-белых фотопленок.

Собранный материал обрабатывается.

Р. Р. Рахимов

* * * *

С 17 августа по 2 октября 1974 года автор данной заметки (аспирантка Института этнографии АН СССР — Ленинградское отделение) совершила поездку в сомон Их-тамир Архангайского аймака МНР, находящийся в лесостепной хангайской зоне страны. Цель поездки — сбор материала по теме «Формирование и становление нового быта сельского населения МНР». Названный сомон был избран в качестве объекта исследования, поскольку он является типичным для республики, и в его жизни отражаются процессы, характерные для современного быта сельского населения МНР.

Поездка явилась продолжением работы над указанной темой, начатой в этом районе в 1970—1971 гг.

Материал собирался методом непосредственного наблюдения, путем бесед с информаторами; кроме того, изучались различные архивные и статистические данные,

хранящиеся в сомонных организациях и сельскохозяйственных объединениях (СХО).

Согласно программе исследования во время полевой работы большое внимание уделялось выявлению основных черт и тенденций развития новых явлений в культуре и быту сельского населения, а также роли этнических традиций в сложении новых форм быта.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в жизни сельских жителей в настоящее время происходят важные изменения, суть которых сводится к формированию и становлению новых форм быта. Это прежде всего переход к оседлости и связанное с ним создание постоянных поселений, изменение характера производственной деятельности бывших кочевников (ныне членов СХО) и способов ведения скотоводческого хозяйства, развитие земледелия и некоторых новых видов хозяйственной деятельности. Выросли культурные запросы аратов. Существенные изменения произошли в жилище, домашнем убранстве, утвари, посуде, одежде и украшениях и т. д. Это особенно заметно в семьях, принадлежащих к среднему и младшему поколениям. Во внутреннем убранстве современной юрты сочетаются элементы традиционного и нового интерьера. При этом последних с каждым годом становится все больше.

Во время поездки были сделаны фотографии, отражающие культуру и быт современного сельского населения.

Собранный материал обрабатывается.

Г. Цэрэнханд